

ВОЙНА И ПЕЧАТЬ: К ИСТОРИИ ВОЕННОГО РЕПОРТАЖА В РУССКОЙ ГАЗЕТНОЙ ПЕРИОДИКЕ, 1914–1915 гг.

*Работа представлена кафедрой истории России с древнейших времен до XX в.
Санкт-Петербургского государственного университета.*

Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор М. Ф. Флоринский

Настоящая статья посвящена отражению реалий Первой мировой войны в русской газетной периодике. В центре внимания автора – условия работы военных корреспондентов и репортажи с «русского фронта», опубликованные в газетах «Речь» и «Утро России». Обобщение газетного материала, выявление распространенных оценок и образов позволяют уточнить представление об отношении русского общества к мировой войне.

Ключевые слова: история русской периодической печати, Первая мировая война, военные корреспонденты, военный репортаж, «образ врага».

This article is devoted to periodicals and media in Russia during the I World War. The author observes reporting of war correspondents on the Eastern (Russian) front and highlights the image of the external enemy, the Germans and their allies, formed by the newspapers. It is true to say, that newspaper materials may help us to study the attitude of the Russian society to the War.

Key words: the history of periodicals in Russia, the I World War, war correspondents, military reporting, the image of the enemy.

Начало «европейской войны» усложнило задачи русской печати. Спрос на информацию, связанную с войной, в первую очередь с «русским фронтом», был очень высок. Большинство изданий старалось, во-первых, по возможности удовлетворить этот спрос, во-вторых, сохранить в длительной перспективе и интерес к войне, и «спокойное, твердо воодушевленное» настроение общества¹, наблюдавшееся в июле 1914 г. Потому для ведущих газет обеих столиц вопрос о «собственных военных корреспондентах», количестве и качестве репортажей с фронта стоял очень остро.

Появление в газетах военного репортажа – сколько-нибудь пространных корреспонденций с театра военных действий, носящих неофициальный характер, – изначально было сопряжено с большими трудностями. В литературе отмечалось негативное отношение командования к самому институту корреспондентов в действующей

армии²; исследователи при этом ссылались на свидетельства М. К. Лемке, в сентябре 1915 – июле 1916 г. служившего в Ставке Верховного главнокомандующего³. В октябре 1915 г. Лемке знакомился с делами общего делопроизводства управления генерал-квартирмейстера штаба Верховного главнокомандующего. Он приводил текст «Положения о военных корреспондентах в военное время», подготовленного, как он указывал, «в нашем генеральном штабе за два года до войны». Ключевое требование «Положения...», изложенное в ст. 3, предусматривало, что «на театр военных действий может быть допущено лишь двадцать военных корреспондентов» – десять русских и десять иностранных. Корреспондентам запрещалась «отлучка за пределы района расположения штаба главнокомандующего»⁴. К тому же, как подчеркивал Лемке, в начале войны командование вообще не было заинтересовано в работе корреспон-

дентов и соответствующие обращения газет отклоняло. Лишь в конце сентября 1914 г. Ставка пересмотрела свой взгляд на задачи печати в военное время⁵.

Печать оказалась в трудном положении. 20 июля 1914 г. «Утро России» сообщало о своем намерении командировать пятерых репортеров в русскую армию, но выполнить это обещание не могло. В то же время появлялись сведения об отъезде именитых корреспондентов, все же получивших разрешение⁶: так, 13 августа Валерий Брюсов выехал из Москвы на фронт «корреспондентом «Русских ведомостей»». «От той же газеты поехал гр. А. Н. Толстой»⁷. Журналисты оговаривали свое понимание и поддержку решения военных властей, оправданного «в виду печального опыта прежних войн»⁸, – и в то же время желали его пересмотра.

13 августа 1914 г. «Утро России» выдвинуло свои соображения. Арктур⁹, автор статьи «О военных корреспондентах», подчеркивая, что он «далек от ропота», «никого не упрекает», все же полагал, что корреспонденты не должны внушать опасений. По его мнению, военная тайна была бы надежно ограждена: во-первых, «самодисциплиной и выдержкой» русского общества, во-вторых, цензурой¹⁰. Но с точки зрения поддержания настроения деятельность корреспондентов была незаменима. «Глухая война» «быстро утомляет внимание общества». Официальные сообщения, реляции «не дадут ни сочности красок, ни героев, от которых веяло бы жизнью». Между тем, по мнению Аркура, это было «необходимо для нашего воскресенья». В противном случае общество ожидала «дряблость психики» – результат «страстного порыва, остающегося безответным».

Автор призывал уделить внимание «частному героизму», а не только «общему, безличному», – чему должны были способствовать репортеры, – чтобы войны, совершившие подвиги, «не сплывались в общей плоскости», но выступали бы «как барельефы», чтобы видны были «лич-

ности, пульсирующие и живые»¹¹. «Нехватка» «героев», выдвинутых войной и снижавших широкую популярность, отмечалась как примета времени. В своих воспоминаниях В. И. Гурко подчеркивал, что «война не создала ни одного народного героя». Как он полагал, «народ нуждается в идолах», и «героев» все же следовало «создать», «расшуметь» имена военачальников – «для поднятия интереса к войне у населения, укрепления... веры в успех»¹².

Печать в итоге усвоила линию поведения, которая шла вразрез с предписаниями «Положения...» и с волей руководства Ставки. Тот же М. К. Лемке указывал на широкое распространение корреспонденций – ««гони природу в дверь – она влетит в окно»... Корреспонденты... нашлись в изобилии среди самих офицеров и разного рода тыловых работников»¹³. Пресса использовала это как дополнительный аргумент при обращении к властям, которые не могли эффективно бороться с контрабандой. «Если опасаются несдержанности в словах нескольких военных корреспондентов», допущенных на фронт, «то как быть с тысячами добровольных», – не лучше ли «иметь дело с немногочисленным кадром ответственных лиц, чем с пестрой массой бесконтрольных»¹⁴.

Т. Ардов – В. Г. Тардов, ведущий публицист «Утра России», бывший на фронте в конце сентября 1914 г., отмечал, что «корреспондент, по крайней мере, до сих пор, к армии отношения не имеет!», разумея, вероятно, недостаток официального признания и содействия. «Приходится претерпевать Бог знает какие мытарства и сносить невероятную подозрительность», что, впрочем, по мнению Т. Ардова, оправдывалось борьбой с вражеским шпионажем. Он также разъяснял, что в армии документы, выданные гражданской властью, «в расчет не принимаются» вовсе, «военные удостоверения» встречаются «подозрительно»¹⁵.

Сведения об условиях работы на фронте содержатся также в письмах А. М. Федо-

рова, военного корреспондента «Речи», редактору газеты И. В. Гессену. 20 августа 1914 г. Федоров сообщал о своем намерении ехать в Варшаву, где, по его сведениям, происходили «главнейшие события». Там он предполагал «пристроиться к Красному кресту»¹⁶, очевидно желая получить некий статус; А. М. Федоров надеялся на помощь А. И. Гучкова¹⁷, но его расчет не оправдался. Из Варшавы корреспондент хотел двинуться «к югу, поближе к Австрийской границе»¹⁸ и 29 августа «во что бы то ни стало пробраться во Львов»¹⁹.

Впоследствии А. М. Федоров был официально утвержден в звании военного корреспондента благодаря хлопотам И. В. Гессена, после того как несколько сотрудников «Речи» были отвергнуты властями²⁰. В этом статусе он в составе группы из шести русских и шести иностранных журналистов принял участие в поездке на фронт, организованной штабом Верховного главнокомандующего; поездка началась 26 сентября²¹ и продолжалась около месяца²². Примечательно, что Федоров – правда, поссорившись уже с редакцией «Речи» – 14 ноября писал Гессену: «Это звание дало мне не больше того, что я мог видеть и не обладая им»²³.

Газеты дорожили своими корреспондентами²⁴ и в известной степени «ревновали» их. А. М. Федоров, желавший увеличить свой доход и работать на несколько изданий, столкнулся с противодействием редакции «Речи»²⁵.

Первые, еще не описания, но краткие характеристики военного быта, боевых эпизодов и противника, напечатанные в «Утре России», были заимствованы у других изданий; те, в свою очередь, использовали, например, письма с фронта, направленные близким²⁶. Но вскоре появились специальные корреспонденции, даже целевые обращения к печати. Так, после боя под Эйдкуненом офицеры желали посредством «Нового времени» «оповестить Россию и весь мир» о том, что немцы не хоронят именно казаков, оставляя их голые тела на растер-

зание птицам²⁷. В августе 1914 г. печать уделяла большое внимание рассказам раненых, находившихся на лечении²⁸. На театре военных действий, однако, добиться беседы с ранеными было непросто: 23 августа А. М. Федоров сообщал, что «попал к раненым» «с большими усилиями, несмотря на всевозможные препоны»²⁹.

На работу корреспондентов, во-первых, оказывали большое влияние цензурные ограничения. 20 августа А. М. Федоров отмечал: «Много интересного, но нельзя писать». Во-вторых, условия пребывания на фронте. Репортеры стремились попасть на позиции, 21 октября Федоров отмечал, что поездка на позиции, возможная при содействии Ставки, «дала поразительные впечатления»³⁰. «Добивался места на передовых позициях», уже в ноябре 1914 г. и М.М. Пришвин, также сотрудник «Речи»³¹.

Как правило, корреспондентам приходилось работать не на позициях, но в «близости к позициям», там, «где только что прошел бой»³². Они наполняли репортажи размышлениями, навеянными свежими могилами, описывали свои находки, иногда неотправленные письма немцев. Таковы корреспонденции Т. Ардова из цикла «За Неманом»³³. Показательна и статья А. М. Федорова из цикла «Отражения», где автор, бывший на поле битвы у Равы-Русской, восстанавливал, привлекая свое воображение, картину боя³⁴.

«Образ врага», формируемый военными корреспондентами, был переменной величиной, зависел от осведомленности автора, от ситуации на определенном участке фронта. Отметим несколько слагаемых этого образа применительно к переломному, критическому моменту войны.

Весной и в начале лета 1915 г. в Галиции работал военный корреспондент «Утра России» В. Гальский – В. Г. Шершеневич, молодой человек (род. в 1893 г.), поэт. Он зафиксировал перелом в ходе войны – начало Великого отступления – подробно, со множеством бытовых зарисовок. Вместе

с тем в его репортажах отбор информации был весьма строг и подчинялся главной цели – поддержать настроение, не допустить нарастания паники в тылу.

13 мая был напечатан очерк В. Гальского «Кровью омытое место». Речь шла о городке Г., где первый удар пришелся на 20 апреля. Здесь описано начало наступления немецкой 11-й армии на участке Горлице, Громник³⁵. После артиллерийской подготовки невиданной до того силы, «сумасшедшей, иступленной», немцы атаковали «пьяными». «С дикими песнями, ничего не соображая, погибая – страшно сказать, – десятками тысяч, немцы лезли и лезли. Передние ряды несли на себе трупы и раненых, чтобы под этим прикрытием добраться до наших окопов. Как фанатики шли они...» При этом в некоторых случаях «добравшись до самого окопа, немецкие гвардейцы беспомощно останавливались, не зная, что делать».

Автор подчеркивал многочисленность атакующих – количественное превосходство неприятеля само по себе объясняло необходимость отступления. Во-первых, создавался образ толпы, людской лавины; отдельный немец – человек – как бы исчезал. Во-вторых, выдвигались вперед указания на «фанатизм», «дикость», озверение»; враг предметно и доказательно «лишался человеческого облика».

Однако это впечатление перекрывалось мотивами другого ряда. Во-первых, сам противник, немецкий солдат, не выдерживал, оказывался сломлен накалом борьбы в Галиции. Во-вторых, при любой возможности использовалась тема продовольственных затруднений Германии; указывалось, что даже в армии не было полного достатка.

8 мая В. Гальский описал свою встречу с «поблекшим солдатом», попавшим в плен: «Изморженное лицо, провалившиеся глаза и щеки, небритый, грязный в своей когда-то щеголеватой форме». Разговор с ним

вызвал удивление, ведь корреспондент «немцев не видал месяца три. Как сильно они изменились за это время. Нет и следа прежнего высокомерия, наглого самомнения. В интонациях слышится усталость, какое-то подавленное страдание». Важно было показать, что немец уже не тот, что был в начале войны: в целом «настроение германцев заметно падает, все жаждут скорейшего мира»³⁶.

Сходные мотивы, но многократно усиленные, использовались при характеристике австро-венгерского противника. Весной 1915 г. отмечались растерянность, падение настроения в рядах «австрийцев», их организованные капитуляции. В. Гальский подчеркивал, что отнюдь «не нежелание славян воевать с русскими является причиной теперешних массовых сдач в плен», но «подлинная усталость австрийских полчищ»³⁷. И даже во время летнего наступления неприятеля проводилась мысль, что в Австро-Венгрии к «натиску германцев» относятся не как к триумфу, а как к затылке войны. В австро-венгерской армии «совершенно не верят в победу, не верят даже и в немцев»³⁸.

С апреля 1915 г. в Галиции – на ключевом участке фронта – положение в одночасье изменилось, стало более напряженным, опасным как в стратегическом, так и в человеческом срезе. Но в печати мобилизация ненависти не была последовательной. Враг могущественный, упорный и коварный существовал параллельно с врагом усталым и сломленным. «Поворот в душевном укладе утомленного» немца, его «внутреннее» психологическое поражение должны были хоть как-то компенсировать, уравновесить «внешние» поражения русской армии.

В самые тяжелые месяцы публицисты и репортеры делали упор на «отрезвление Германии», ее экономические трудности, ее стремление к скорейшему миру. Но эти прозрения, основанные на недооценке германских «нервов», не могли постоянно подкреплять ожидания в самой России.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Утро России. 1914. 26 июля.
- ² *Бережной А. Ф.* Русская легальная печать в годы Первой мировой войны. Л., 1975. С. 18–19; *Белогурова Т. А.* Русская периодическая печать и проблемы внутренней жизни страны в годы Первой мировой войны. Смоленск, 2006. С. 31, 33–34.
- ³ *Лемке М. К.* 250 дней в царской Ставке (25 сентября 1915 – 2 июля 1916). Пг., 1920. С. 125–132.
- ⁴ Там же. Согласно ст. 37 и 38, допускались отлучки с «разрешения начальника военно-цензурного отделения при штабе главнокомандующего». С. 131.
- ⁵ Там же. С. 135. Была организована поездка на фронт ряда представителей прессы; в этой связи Н.Н. Янушкевич утвердил изменения «Положения о военных корреспондентах в военное время». Сама печать, хотя и в осторожных выражениях, отметила изменение отношения военного руководства к её задачам, напр., см.: *Журналист.* 1914. № 13–14. С. 29. При этом и в дальнейшем действовало, например, категорическое запрещение работы военных корреспондентов на Кавказском фронте, о чем начальник военно-цензурного отделения штаба Кавказского военного округа уведомлял редакцию газеты «Русское слово» 7 апреля 1915 г. (РГАЛИ. Ф. 595. Оп. 1. Д. 37. Л. 57.)
- ⁶ *Бережной А. Ф.* Указ. соч. С. 31.
- ⁷ *Журналист.* 1914. № 13–14. С. 34.
- ⁸ Там же. С. 4. Журналисты признавали, что «формуляр военного корреспондента... опорочен в прошлую кампанию», во время Русско-японской войны. «Утро России» указывало на случаи (не называя издания), когда откровенность, «в виде исключения, – принимала злокачественный характер», что приводило к разглашению ценных для противника сведений. (Утро России. 1914. 13 августа.)
- В. А. Анзимиров подчеркивал, что «корреспонденты не допущены...» из-за опасения вреда в «чисто стратегическом отношении»; «вожди армии» «решили всячески блюсти военную тайну». (*Анзимиров В. А.* Война и печать // *Журналист.* 1914. № 13–14. С. 4.)
- ⁹ Предположительно Иван Иванович Дусинский (? – 1919) – служащий Новороссийского университета, публицист неославянофильского направления, сотрудник одесской газеты «Русская речь».
- ¹⁰ Как указывал автор, телеграммы в любом случае проверялись на месте отправки; почтовые же корреспонденции могли бы представляться «на предварительную военную цензуру» по месту издания.
- ¹¹ Утро России. 1914. 13 августа.
- ¹² *Гурко В. И.* Черты и силуэты прошлого: правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 653.
- ¹³ Лемке приводил текст приказа по 1-й армии от 7 сентября 1914 г., категорически запрещающего офицерам посылать корреспонденции и письма о военных действиях «под угрозой расследования». (*Лемке М. К.* Указ. соч. С. 134.)
- ¹⁴ Утро России. 1914. 13 августа.
- ¹⁵ Там же. 30 сентября.
- ¹⁶ РГАЛИ. Ф. 1666. Оп. 1. Д. 802. Л. 23.
- ¹⁷ А. И. Гучков – особоуполномоченный Российского общества Красного Креста (при 2-й армии).
- ¹⁸ РГАЛИ. Ф. 1666. Оп. 1. Д. 802. Л. 23.
- ¹⁹ Там же. Л. 6.
- ²⁰ Там же. Л. 16.
- ²¹ Речь. 1914. 26 сентября.
- ²² М. К. Лемке писал о маршруте корреспондентов, рассчитанном на 14 дней (*Лемке М. К.* Указ. соч. С. 135). Однако А. М. Федоров лишь 28 октября сообщал о том, что «его странствование с полковником Штаба Верховного Главнокомандующего закончилось» (РГАЛИ. Ф. 1666. Оп. 1. Д. 802. Л. 13) Корреспондент имел в виду полковника П. Л. Асановича, начальника 8-го общего делопроизводства управления генерал-квартирмейстера штаба Верховного главнокомандующего (*Лемке М. К.* Указ. соч. С. 38).
- ²³ РГАЛИ. Ф. 1666. Оп. 1. Д. 802. Л. 16.
- ²⁴ «Речь» 17 августа напечатала портрет А. М. Федорова, «Утро России» 8 сентября – портрет Веруса – В. И. Язвицкого, балканского корреспондента газеты.

²⁵ И. В. Гессен, хотя «при первых переговорах» с Федоровым сам обещал хлопотать об «одновременном корреспондировании в «Русские ведомости»» и советовал «войти в соглашение с «Киевской мыслью»», изменил свое отношение. На сообщение о сотрудничестве Федорова с «Киевской мыслью» он телеграфировал: «Настоятельно просим (в) другую газету не корреспондировать». Тщетно А. М. Федоров доказывал, что, по мнению его коллег, военных корреспондентов, такой образ действий не противоречил «ни интересам газеты, ни писательской этике» и что новые условия не мешают ему «продолжать... работу в «Речи» ровно так же, как и раньше»; конфликт журналиста с редакцией урегулировать так и не удалось (РГАЛИ. Ф. 1666. Оп. 1. Д. 802. Л. 8-10, 16).

²⁶ См. напр.: Киевская мысль. 1914. 4 августа.

²⁷ Новое время. 1914. 6 августа.

²⁸ См. напр.: Утро России. 1914. 17 августа.

²⁹ РГАЛИ. Ф. 1666. Оп. 1. Д. 802. Л. 24.

³⁰ Там же. Л. 11.

³¹ Речь. 1914. 13 ноября.

³² РГАЛИ. Ф. 1666. Оп. 1. Д. 802. Л. 10.

³³ Утро России. 1914. 30 сентября; 2 октября.

³⁴ Речь. 1914. 21 октября.

³⁵ «Горлицкая операция»: Сборник документов. М., 1941.

³⁶ Утро России. 1915. 9 мая.

³⁷ Там же. 10 мая.

³⁸ Там же. 8 мая.